

За окном яростно грохотала гроза, и вовсю хлестал проливной дождь.

В замершем отеле внезапно раздался тихий, вкрадчивый шепот. Он казался до жути отчетливым, но стоило прислушаться, как слова вязли, словно сквозь толстый слой звукоизолирующей ткани, становясь глухими и неразборчивыми.

А следом послышалась частая, глухая дробь — будто стайка детей с топотом носилась по коридору, потолку и прямо внутри стен.

На рассыпанном по полу сыром рисе, который так никто и не догадался убрать, начали проступать следы: то крохотные детские ступни, то взрослые подошвы, а порой и отчетливые отпечатки ладоней.

Стоивший у стены тяжелый горшок с растением вдруг медленно пополз в сторону, ведомый чьей-то невидимой рукой. Он простоял на одном месте слишком долго, и теперь за ним тянулся грязный бурый след, протянувшийся прямиком к порогу соседней комнаты.

Рассыпанный рис обрывался у этой черты, и горшок замер там же.

Вся белая рисовая дорожка теперь была испещрена хаотичными следами невидимых гостей.

Послышались тяжелые, мерные шаги. Кто-то медленно поднимался по лестнице.

Жуткая возня в тот же миг оборвалась.

Притаившиеся твари забились по углам, втиснулись в малейшие щели в стенах и, вылупив оттуда по одному мутному глазу, уставились наружу. Они до дрожи боялись этого мужчины, но страх мешался в них с удушливой, ядовитой ненавистью.

Эти чувства уродливо искажали их лица, закручивая шеи под неестественными углами, пока они жадно косились вслед уходящему силуэту. Казалось, рухни он наземь — и вся эта орава хлынет лавиной, чтобы разорвать его тело на куски и пожрать теплую плоть.

Внезапно шаги затихли.

Тишину разорвал короткий холодный смешок. Услышав его, нечисть бросилась врассыпную, в панике забиваясь глубже в щели.

Раздался тяжелый, мерный стук.

Кто-то настойчиво, удар за ударом, колотил в деревянную дверь.

Шэнь Хо в своей постели спал беспробудным, сладким сном, зарывшись лицом в мягкое одеяло. Его щеки покраснелись от тепла. Даже этот зловещий, похожий на погребальный набат стук не мог потревожить его покой.

Тварь за порогом, похоже, начала терять терпение — удары стали сильнее и яростнее. Старая деревянная створка жалобно дребезжала, при каждом толчке осыпая пол сухой штукатурной пылью. Казалось, хлипкие петли вот-вот вылетят.

Наконец Шэнь Хо зашевелился. Сонно потирая глаза, он приподнялся на кровати. Грохот не утихал, выбивая зловещий ритм: три коротких удара, один длинный.

Кому вообще придет в голову устраивать целый ритуал из стука в дверь, да еще и выстукивать этот недобрый, похожий на погребальный, ритм? Но разозленный внезапным пробуждением Шэнь Хо был слишком раздражен, чтобы размышлять над странностями.

— Да кого там принесло?! — рывкнул он в полную силу своей утренней злости.

Грохот за дверью разом стих.

— Шэнь Хо, это я.

Собеседник говорил голосом зрелого мужчины лет пятидесяти. Но когда он перешел на полусшепот, сквозь хриплые ноты пробилось странное, леденящее душу шипение, переросшее в тонкий, истошный женский визг. Звук резанул по ушам, словно ржавый гвоздь по стеклу.

Ошметки сна мгновенно улетучились, оставив кристальную ясность мыслей. Свет в номере почему-то погас, погрузив комнату в глухую темень. Лишь там, где висел красный бумажный фонарь, колыхалось зловещее багровое зарево.

Шэнь Хо поспешно нащупал телефон и нажал кнопку разблокировки. Экран тускло осветил лицо. Время — начало второго ночи.

Все члены съемочной группы вымотались до предела и давно спали без задних ног. Кому взбредет в голову шататься по коридорам в такой глухой час и ломиться к нему?

— Шэнь Хо, открой. Мне нужно кое-что тебе сказать.

С каждым словом этот голос двоился, перебиваемый глубинным визгом, который становился всё громче и невыносимее.

Шэнь Хо осторожно спросил:

— Режиссер Ван?..

— Да, да, это я, — торопливо подтвердила тварь за порогом, обрадовавшись, что ей отозвались.

Шэнь Хо прищурился, а на губах его заиграла лукавая усмешка. Он притворно зевнул и крикнул потоньше:

— Режиссер Ван, а чего это вам не спится в такую рань? Неужто гонорар мне поднять решили?

— Да, именно так! — закивала сущность. — Отпирай скорее!

— Ой, ну мне даже как-то неудобно... — застенчиво протянул Шэнь Хо. — И сколько накинете?

— Сколько пожелаешь, столько и накинута! Только открой дверь!

Тварь за порогом вовсю пыталась заманить его в ловушку, суля золотые горы. Любой другой на его месте, ослепленный внезапной жадностью и азартом, уже давно сорвался бы с места и распахнул засов навстречу неведомому чудовищу.

Но, увы... на сей раз гость явно ошибся адресом.

Глаза Шэнь Хо так и горели весельем, хотя вслух он продолжал мямлить с наигранным сомнением:

— Ну не знаю-ю... Как-то это некрасиво по отношению к остальным ребятам. Там ведь столько моих старших коллег...

Он молотл всякую чушь, тянул время и засыпал невидимого собеседника глупыми вопросами, упрямо не приближаясь к двери ни на шаг.

Терпение существа таяло на глазах. Поняв, что его водят за нос, оно забарабанило по дереву с удвоенной яростью. Подмешанный к мужскому голосу визг стал низким, хриплым и утробным, пока наконец не превратился в жуткое клокотание. Так звучит предсмертный хрип утопленника, чье горло заливают болотная жижа, а полустгившие легкие из последних сил выталкивают воздух сквозь толщу гнилой воды и распадающийся язык.

Теперь Шэнь Хо окончательно убедился: за дверью стоял кто угодно, только не режиссер Ван. Но что это за тварь? И почему она не ломится внутрь сама, а вежливо стучится, точно послушный ребенок?

Должно быть, отель защищен какой-то силой, не позволяющей нечисти переступить порог без спроса. Ей непременно нужно получить добровольное приглашение хозяина.

Возможно, из-за обилия чертовщины за прошедший день его мозг лихорадочно выуживал из глубин памяти старые, давно забытые рассказы. Он вспомнил деревенские суеверия: порог дома — это невидимая граница между мирами живых и мертвых. Шаг наружу — ян, шаг внутрь — инь. Обычный призрак не сумеет преодолеть этот барьер сам по себе. Если тварь хочет пробраться в жилище, она начинает звать тебя голосом близкого или хорошего знакомого, выманивая наружу. В народе это называют ****[призрачным откликом]****. Стоит тебе ответить — и ты пропал.

Вновь раздавшийся стук — три коротких, один длинный — бесцеремонно оборвал его размышления. Шэнь Хо набрал побольше воздуха в легкие и выкрикнул:

— Да стучи ты, сука, стучи! Жить надоело, тварь?! Нацепила чужой голос посреди ночи и думает, блять, испугала кого-то! Вали отсюда нахер, пока я тебе башку не проломил!

Он специально орал как можно громче, разыгрывая искреннее бешенство и не скупясь на крепкие выражения. В глубине души ему даже стало немного жаль несчастную тварь. Выбралась, бедняжка, на охоту, а напоролась на такого несносного грубияна. Тяжела нынче жизнь у призраков, ничего не скажешь. От собственной буйной фантазии Шэнь Хо едва не прыснул со смеху. В мыслях это выглядело забавно, но реальность всё же оставалась жуткой.

Сущность за дверью, похоже, опешила от такого яростного отпора и надолго затихла.

Шэнь Хо поднялся с постели и потянулся к выключателю на стене. Однако вместо холодного пластика пальцы наткнулись на что-то невероятно гладкое, влажное и ледяное. На ощупь это до ужаса напоминало человеческую кожу.

Шэнь Хо обдало ледяным потом, волосы на затылке зашевелились. Он пулей отдернул руку. Трясущимися пальцами он попытался нащупать телефон, чтобы подсветить стену и разглядеть, во что только что вляпался. Но от дикого страха пальцы сделались ватными и непослушными.

Раздался звонкий стук — мобильник выскользнул из рук и полетел на пол. Шэнь Хо пришлось опуститься на корточки и вслепую шарить ладонью по половицам, пытаясь определить, куда отлетел гаджет.

Наконец ладонь накрыла корпус. Он нажал на кнопку, и в ту же секунду тусклый свет экрана выхватил из темноты парящую прямо перед ним пару ярко-красных вышитых туфель. Красный шелк подола плавно качнулся у самого его лица, заслоняя слабое свечение дисплея.

От неожиданности Шэнь Хо отпрянул и с размаху повалился на край кровати. Деревянный угол больно вонзился ему в поясницу. Резкая, стреляющая боль прошла позвоночник от копчика до самой макушки. Из глаз брызнули слезы. Боль была настолько нестерпимой, что он

согнулся пополам, не в силах разогнуться. Казалось, вся нижняя половина тела разом онемела и перестала ему подчиняться.

Безголовая женщина-призрак застыла в воздухе, словно в нерешительности. Шэнь Хо почудилось, будто она... смутилась?

«Бред, просто в глазах помутилось от боли», — мысленно отмахнулся он. С чего бы призраку испытывать неловкость?

С появлением гостя воздух в номере начал стремительно остывать. Мебель, стоявшая ближе всего к ней, прямо на глазах подернулась тонкой коркой белесого инея. Шелк на ее туфлях наливался неестественным багрянцем, пока наконец не стал сочиться густой, почти черной жижей. Кровь медленно стекала к носкам обуви и капала на пол.

Кап... Кап...

Тяжелые темные капли с тихим стуком разбивались об обледеневший пол. Они не замерзали, а растекались, образуя уродливую багровую лужицу, которая продолжала расти.

Шэнь Хо, держась за ушибленную поясницу, кое-как привалился к изножью кровати, пытаясь отдышаться. Почувствовав могильный холод, он запоздало вспомнил, что делит комнату с кровожадным свирепым духом. Превозмогая тупую, ноющую боль в спине, он бочком отполз на пару шагов в сторону, стараясь держать безопасную дистанцию.

— Слушай, сестрица, — жалобно протянул он. — Не я же тебя со свету сжил. Чего ты ко мне-то привязалась?

От этих бесконечных потрясений за один день здоровый человек заикой останется!

Вместо ответа призрак подняла руку. Ее длинный палец, выкрашенный алым лаком, указал на висевший на стене свиток. По комнате пронесся ледяной порыв сквозняка, пробирающий до костей. Свиток с вышитыми туфлями сорвался со стены и, плавно покачиваясь в воздухе, опустился прямо к ногам Шэнь Хо. Следом палец призрака уставился на самого юношу.

Шэнь Хо озадаченно нахмурился:

— Ты... хочешь мне что-то показать с помощью этого рисунка?

Тут же он досадливо хлопнул себя по лбу:

— Ах, прости, совсем вылетело из головы, что ты не можешь говорить.

Он осторожно подобрал свиток. Даже просто на ощупь бумага казалась плотной, дорогой и качественной. За долгие годы случайных подработок он успел нахвататься самых разных навыков, среди которых было и знакомство с традиционной китайской живописью. Рисовая бумага сюаньчжи бывает трех видов: необработанная («сырая»), полуобработанная и обработанная («спелая»). Этот рисунок был выполнен на тончайшей «сырой» бумаге, которая мгновенно впитывала влагу, позволяя туши мягко расплываться и создавать изумительные переходы света и тени. Очевидно, художник был настоящим мастером своего дела. Хотя со вкусами у него явно было туговато. Нашел ведь тему — вырисовывать женские тапочки. Что за извращенец?

Стоп... В голове Шэнь Хо мелькнула внезапная догадка.

— На этой картине... изображены твои туфли?

Позабыв про страх перед висящим в воздухе мертвецом, он торопливо развернул свиток и принялся сравнивать рисунок с туфлями на ногах призрака. Он всматривался в каждую черточку, сопоставляя малейшие детали узора и изгибы шелка. Совпадение было идеальным. Рисунок в точности воспроизводил туфли покойницы — вплоть до мельчайшего стежка!

Кто же автор этого шедевра? И почему он запечатлел на бумаге именно те туфли, в которых была похоронена убитая девушка?

— Сестрица... как тебя погубили?

— У-у-у-у! — завывла безголовая женщина-призрак. Визг был столь яростным и полным нечеловеческой боли, что у Шэнь Хо заложило уши.

Створки окна с грохотом распахнулись от внезапного порыва ветра, врезавшись в стену. По комнате пронесся настоящий ураган. Деревянные стулья заходили ходуном, а бумаги полетели со стола веером. Юноша судорожно вцепился в деревянную спинку кровати, искренне опасаясь, что этот безумный смерч утащит его за собой.

«До чего же непостоянные создания эти женщины... даже мертвые», — со вздохом подумал он.

Буря бушевала не на шутку. Защищая лицо согнутой в локте рукой, Шэнь Хо изо всех сил прижимал к груди драгоценный свиток.

Спустя какое-то время безумный вихрь улегся так же внезапно, как и начался. Открыв глаза, Шэнь Хо обнаружил, что безголовая гостья бесследно исчезла. Лишь разбросанные вещи и перевернутый стул напоминали о том, что всё произошедшее ему вовсе не привиделось.

Он пощелкал выключателем — на этот раз верхний свет загорелся без проблем. Поежившись от ночной сырости, Шэнь Хо подошел к окну и потянул на себя раму.

— Ай!

На деревянной облупившейся раме оказалась острая щепка, которая больно вонзилась ему в подушечку пальца. Выступившая капля крови сорвалась с пальца и полетела вниз, в ночную тьму.

Шэнь Хо только тогда обнаружил, что прямо перед его окном раскинуло сухие черные ветви гигантское засохшее дерево. В тусклом свете из комнаты было видно, насколько оно огромно. Древний ствол, казалось, уходил далеко выше крыши отеля, растворяясь в грозовых тучах. Словно безмолвный каменный колосс, дерево выросло во мраке ночи, раскинув свои узловатые мертвые ветви.

Но вот ведь странность: когда они только заселялись в отель, под окнами не было и намека на этого великана. Откуда оно взялось?

Прогнав по спине липкий холодок, Шэнь Хо поспешно затворил раму и задернул плотные шторы, решив больше об этом не думать.

На бескрайней пустоши, усеянной бесчисленными черепами и обломками костей, возвышался величественный и мрачный замок. Казалось, эта зловещая цитадель была высечена из самого подземного мрака нечеловеческой, демонической силой.

Из бездн, объятых холодным изумрудным пламенем преисподней, тянулись бесконечные ряды железных клеток. В них томились свирепые, безумные грешники. Стоило ядовитым языкам огня коснуться их призрачной плоти, как окрестности оглашал душераздирающий вой, уходящий в вечно хмурые, тяжелые небеса.

В самом сердце дворцового сада выросло могучее дерево с увядающей кроной. С его ветвей осыпалась редкая сухая листва. Один из пожухлых листков, подхваченный робким дуновением холодного ветра, плавно влетел сквозь высокие арки в просторные покои правителя.

На высоком троне восседал мужчина неопишуемой, пугающей красоты. Его безупречное лицо застыло маской абсолютного бесстрастия — взгляд, лишенный каких-либо земных чувств или желаний, делал его похожим на изваяние грозного древнего божества. Тонкие пальцы его правой руки сжимали кисть. Владыка преисподней сосредоточенно выводил иероглифы на длинном свитке.

Внезапно он замер и отложил кисть. Подставив ладонь, он поймал опускающийся сухой листок.

Едва коснувшись его кожи, мертвенная серость на листе начала таять. По его тонким прожилкам, точно по венам, побежал золотистый свет. А в самом центре этой увядающей

зелени, словно драгоценный камень в оправе, покоилась крошечная капля свежей алой крови.

Мужчина осторожно коснулся пальцем багровой капли.

В тот же миг капля с тихим шипением вспыхнула ослепительным багряным сиянием и обратилась в тонкую алую нить, которая устремилась прочь, теряясь за пределами огромного зала.

Провожая взглядом тянущуюся от его пальца нить судьбы, владыка помрачнел. Его взгляд оледенел, а длинные пальцы с силой стиснули хрупкий золотистый листок, готовые мгновенно перетереть его в невесомую пыль.

В пустых безмолвных чертогах эхом раскатился его низкий, лишенный всяких эмоций голос:

— Нить судьбы...

<http://bllate.org/book/19659/2002988>